

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

К ЧЕТЫРЕХСОТЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ МОРИСКОВ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МОРИСКОЛОГИИ

С.А. Прокопенко

Кафедра всеобщей истории
Ульяновский государственный педагогический университет
пл. им. 100-летия со дня рожд. В.И. Ленина, 2, Ульяновск, Россия, 432000

В статье рассматриваются основные этапы исследования истории морисков на протяжении XVI–XXI вв. Дана характеристика основных историографических направлений в сочетании с портретным методом. Подробно проанализированы взгляды «апологетов католицизма» (П. Аснар Кардона), представителей либеральной историографии XIX в. (Ф. Ханер). Влияние «историографической революции» рассмотрено на примере творчества Т. Гальперина Доухи. Особое внимание уделено институциональным изменениям морискологии.

Ключевые слова: морискология, историография консервативная, историография либеральная, мориски, мудехарес, депортация.

Морискология – раздел исторической науки, предметом исследования которого является история морисков. Сам термин возник в 1990 гг. как отражение скачкообразного роста исследований о прошлом морисков и важных институциональных изменений в этом домене историографии. Дело в том, что в 1980-е гг., на волне демократизации в Испании, новый импульс получили процессы развития национальных и региональных идентичностей, важным элементом которых являлось историческое сознание в научных или мифологических формах. В Валенсии, Гранаде, Андалусии, в меньшей степени в Арагоне – местах некогда компактного проживания морисков, эта своеобразная страница испанского прошлого стала активно интерпретироваться конструкторами новой демократической Испании. Как указывают авторы специализированного блога «Дети морисков», посвященного судьбе детей морисков, разлученных с высланными родителями, до сих пор история депортации морисков остается «одним из наиболее травматичных коллективных опытов нашего прошлого» (1).

На фоне европейской интеграции и глобализации определенные трудности, которые испытывает в современной Европе проект «мультикультурности», придали дополнительный импульс изучению трагического опыта сосуществования двух общин.

Четырехсотлетие депортации морисков (1609–1614) стало поводом к серьезному анализу перспектив современной социокультурной интеграции, роли прошлого и исторической науки в данном процессе, подведению в специализированном сообществе итогов исследования этой большой и сложной темы.

Комплекс поставленных задач предопределил форму их реализации: наряду с профессиональным обсуждением научных проблем мы видим постоянную апелляцию к широкому сообществу. Хороший пример тому – созданный в 2008 г. «Рабочей группой о морисках, мудехарес, образе ислама и арабского мира» портал «IV Centenario de Expulsión de los Moriscos» (2).

Как известно, проблема морисков возникла в связи с завершением Реконквисты. Когда исчезла угроза ответных репрессий против христианского населения со стороны исламских государств, расположенных ранее на территории Иберийского полуострова, завершение широкомасштабной евангелизации мусульман стало только вопросом времени. Последний этап этого долгого процесса начинается в Гранаде кардинал Сиснерос в 1502 г. (прагматика от 14 февраля), и завершается он в 1525–1526 гг. крещением арагонских мудехарес при Карле V.

В тот период этих новых христиан называли «новообращенными из мусульман» (или «новообращенными из ислама»). И только позднее они и их дети получили имя «мориски». На указанном основании некоторые современные исследователи (L.P. Harvey) даже считают некорректным использовать этот термин, но данное предложение не нашло поддержки у научной общественности (3).

На протяжении XVI столетия испанская корона, несмотря на отдельные колебания, пыталась разными способами ассимилировать морисков. Неудача этой политики, наиболее ярким проявлением чего стало второе восстание гранадских морисков (1568–1570/1571), вынудила власти решиться на изгнание этих «неискренних христиан». Сам указ был подписан 4 апреля 1609 г., 22 сентября 1609 г. публично объявили о выселении морисков Валенсии, затем были приняты решения по Каталонии, Арагону, и, наконец, последнее: о депортации морисков Мурсии (4 мая 1613 г.).

В историографии принято датировать формальное завершение депортации 1614 г. Но в связи с нелегальным возвращением части морисков процесс затянулся до 1615 г. В 1616 г. герцог Лерма доложил королю о полной очистке страны от морисков.

За столетия обсуждения проблемы накопились сотни трактатов, монографических исследований, статей. Как иронично отметил Х. Сепеда Адан, «список таких авторов по теме столь же длинен, сколь и монотонен» (4). Самая полная в мире библиография о морисках подготовлена А. Темими. Эта «Bibliographie générale d'études morisques» включает в себя описание ли-

тературы, вышедшей за период с конца XVI в. по 1994 г. (всего 3577 работ). Ей предшествовали библиографические публикации ряда андалусийских авторов, а также М. Равильяра (5). Важным дополнением к указателям является раздел «Историография» уже упомянутого портала «Четырехсотлетие депортации морисков».

Начальный этап историографии морисков непосредственным образом связан с острейшими дискуссиями в испанском обществе XVI в. о возможности ассимиляции морисков.

Часть участников этих споров изложили свои мысли в трактатах, которые и составили первоначальный корпус специальной литературы. В ходе дискуссий получила освещение история возникновения морисковской проблемы, были намечены вехи политики короны и церкви в отношении морисков, в рамках доказательства неискренности крещения «новообращенных» выявлены основные маркеры инаковости (гендерные отношения; культура питания; одежда; язык).

Господствующей формой изложения материала был нарратив, а исследовательская тематика ограничивалась политической и религиозной сферами. При освещении прошлого активно использовались работы христианских и арабских предшественников, античных авторов, а источниками для отражения текущих событий служили в основном впечатления собственные и современников.

Ряд историков благодаря служебному положению (например, М. Гонсалес де Сельориго) или связям (как Мармоль Карвахаль, брат которого Хуан Васкес дель Мармоль был секретарем Кастильского Совета, а П. Сапато дель Мармоль служил в Палате Кастильского Совета) использовали информацию официального характера.

Важнейшими вехами этого периода стали второе гранадское восстание 1568–1570/1 гг. и особенно сама депортация, придавшие легитимность позиции, представители которой отрицали возможность ассимиляции. Наибольшим радикализмом среди них выделялись Х. Бледа и П. Аснар Кардона.

Ф. Васкес Гарсия связал их имена с оформлением испанской традиции расизма и первой фазой (из шести) «биополитики» (6).

Х. Бледа – священник прихода Корбера, где проживали в основном мориски, в трактатах «Defensa de la Fe en el proceso de nuevos converses del Reino de Valencia» (1604) и особенно «La Crónica de los Moros de España» (1618) обосновал принципиальную невозможность ассимиляции морисков тем, что «старые христиане» являлись потомками Исаака – законного сына Абрахама, матерью которого являлась свободная женщина, а мориски – потомками бастарда Исмаила, матерью которого была рабыня (7). Аснар Кардона в трактате «La Expulsión Justificada de los moriscos españoles» (1612) придерживался сходной позиции (8). То же понятие «раса» было использовано этими авторами для характеристики «новых христиан» еврейского происхождения.

Для оправдания депортации морисков они использовали в основном провиденциалистскую аргументацию и реже – геополитическую. Например,

большая часть первой части трактата Аснара Кардона была посвящена сопоставлению христианства и ислама в сферах теологии и религиозной практики, и только последние главы – турецкому фактору.

Отправным пунктом второй части труда служил тезис об исламизме морисков для оправдания их изгнания, и лишь две главы обосновывали связи морисков с Турцией. В ином ключе построил свой трактат капеллан М.Ф. Дамиан де Фонсека (9). Все внимание он сосредоточил в основном на морисках Валенсии, рассмотрев политику арагонских, а затем испанских королей в отношении морисков (это понятие в узком смысле, считал он, применимо только для валенсийских); доказательства их вероотступничества; доказательства «предательства морисков Королевства Валенсия», включая «условия жизни этого народа»; ход событий с момента указа о вере и до посадки на корабли «тагаринос» (собираемый термин «морисков» и «гранадинос») и «мудехарес»; обстоятельства самой депортации.

В целом эта работа представляет собой иной, рациональный, тип исследований, черты которого хорошо просматриваются уже у «историка-солдата» Л. дель Мармоля Карвахала, выделявшегося «не только точностью и правдой, но и стилем» (10).

Наряду с такими «апологетами католицизма» существовала и довольно влиятельная группа, члены которой на определенном этапе признавали возможность ассимиляции морисков силой доброго примера «старых христиан» и благодаря контролю со стороны Инквизиции. Назовем наиболее значимые в интеллектуальном отношении имена: архиепископ Валенсии Х. де Рибера, иезуит И. де Лас Касас, Д. Хуртадо де Мендоса.

Важно отметить, что на практике отношение к ассимиляции не сводилось к названной дихотомии.

Так, королевский хронист П. де Валенсия, для которого Филипп III являлся рыцарем, наделенным всеми добродетелями, а депортация – печальным, но вынужденным шагом, не рассматривал морисков как неисправимых еретиков и скрытых мусульман. Для него сутью христианства была любовь и терпимость, потому он рассматривал морисков, возможно, опираясь на собственный детский и юношеский опыт, как «слабых верой». Поэтому в отличие от «апологетов католицизма» он считал разлучение родителей-морисков с детьми ради подлинной евангелизации последних несправедливо жестокой мерой.

После смерти Филиппа III снимается табу на негативные оценки депортации морисков, и начинается ее открытая критика, пик которой пришелся на эпоху Просвещения (11). Правда, все же большую часть XVIII в. преобладало негативное мнение о «мусульманском» сообществе. Видимо, этому способствовали постоянные рейды исламских пиратов на средиземноморское побережье Испании (12).

К середине XIX столетия сложился корпус основной проблематики морискологии в узком смысле этого слова: история морисков, история сосуществования двух общин («старых христиан» и морисков), история депортации, исто-

рия морискской диаспоры. В рамках двух историографических направлений (консервативного и либерального) были сформулированы основные концепции и введены в научный оборот важнейшие типы нарративной документации, а также сводные материалы ранних цензов и падронес, статистика из королевской канцелярии по депортации морисков (Т. Гонсалес). Социально-экономические аргументы начинают замещать религиозно-политическую трактовку событий. Заметной новацией становится отказ от традиционного рассказа.

Либеральная историография XIX в. унаследовала критический настрой Просвещения. Главными виновниками депортации провозглашаются христиане, испанские монархи обвиняются в «фальшивом рвении и фанатизме». В то же время часть вины в религиозной розни возлагается на мусульман периода средневековой Испании. Изгнание морисков единодушно расценивается как сильнейший удар по хозяйству страны.

Так, французский академик М. Бланки, посетивший в 1846 г. Испанию, вслед за арбитристом М. де ля Мата и просветителем П.Р. Кампоманесом констатировал, что изгнание мавров привело в Испании к экономической «катастрофе более губительной, чем Нантский эдикт во Франции» (13).

Характерной особенностью либералов становится комплексное рассмотрение депортаций иудеев и морисков. Показателен в этом смысле пример Х. Муньоса-и-Гавирия, который сделал вывод о том, что изгнание иудеев стало «первым ужасным ударом по населению и промышленности Испании» (14).

Вершиной консервативной историографии этого периода становятся работы М. Менендеса Пелайо «*Historia de los Heterodoxes españoles*» (1880) и П. Бароната-и-Баррачина «*Los moriscos españoles y su expulsión. Estudio histórico-crítico*» (1901). Первый дал развернутое обоснование религиозного единства как блага для Испании. Именно депортации иудеев и морисков, по его мнению, спасли страну от гражданских войн, которые сотрясали Францию и Германию. Второй историк привлек фонды валенсийских архивов, что позволило ему нарисовать масштабное и детальное полотно по истории морисков. Несмотря на явную концептуальную заданность, что дало право некоторым современным историкам обвинить его в «антиморискской мании», это двухтомное исследование до сих пор не утратило научной ценности (15).

Особое место в морискологии того времени занимает работа Ф. Ханера, представленная на конкурс в Королевскую академию истории в 1857 г. (16). Основу монографии составили нарративные документы, как правило, официального происхождения. В приложении дана внушительная подборка источников (всего 149), представляющих собой фрагменты трактатов (45), извлечения из средневековых фуэрос городов и привилегий мусульманам, письма кастильских и испанских королей, выдержки из решений и указов разных государственных органов, бюрократической переписки.

В работе отсутствует пейоративная лексика. Понятие «раса» явно вытеснено на второй план другими терминами эпохи: «сарацинская раса Арагона и Валенсии», «мориски». Как дань тогдашней моде воспринимается сегодня выражение «мусульманский класс» (наряду с «аристократией» и «народом»).

Если говорить о смысловых конструкциях данной книги, то, с одной стороны, мы находим утверждение о богатстве морисков, которое было основано на их большом трудолюбии и предприимчивости, чем у «старых христиан». Этим объяснялась огромная заинтересованность валенсийский сеньоров в своих вассалах.

Ссылаясь на М. Лафуэнте, Ханер пишет о занятости морисков в сельском хозяйстве, торговле, ремеслах, механических производствах, где они якобы стали почти хозяевами.

Более высокие темпы демографического роста этой общины он объяснял тем, что среди морисков не было религиозного celibата, почти все они создавали семьи в молодом возрасте, не посылали своих мужчин на войну и не эмигрировали в Новый Свет. Из этого вытекал вывод о «фатальных последствиях для торговли и сельского хозяйства Испании» депортации морисков. С учетом погибших в восстаниях, с оружием в руках, умерших от голода морисков Ханер определил демографические потери Испании в 900 тыс. чел.

С другой стороны, оценивая «последствия, которые вызвало изгнание морисков в экономической и политической области, как чувствительные в целом и фатальные для ремесла, сельского хозяйства и торговли нашей родины», автор разумно заключает, что «мы должны, однако, отвергнуть вульгарное мнение, поддерживаемое некоторыми экономистами, что это было главной причиной депопуляции Испании в XVI и XVII вв.».

Но на этом историк не останавливается.

По его мнению, после непосредственных потерь от депортации, во времена Фердинанда VI и Карла III страна вкусила хорошие плоды от изгнания. Депортация, согласно Ханеру, была неизбежной (особенно после второго гранадского восстания), так как «враждебность двух рас была глубже, чем между католиками и протестантами». Существовало противоречие между желаниями Филиппа II и властей к соглашению и устремлениями самих морисков. Доказательством тому служили их многочисленные заговоры, постоянные тайные контакты морисков Валенсии и Арагона с турецкими эскадрами, турецкими и берберскими пиратами, французами и другими врагами Испании. В результате само «Провидение возложило на правительство Филиппа III миссию нанести последний удар по несчастному народу морисков». Если бы проблему не удалось решить тогда столь радикальным образом, это привело бы к большому несчастью. Ибо «везде древо исламизма ведет к деградации женщин, рабству мужчины и бесплодию земли» (17).

На наш взгляд, труд Ханера представляет собой пример синтеза концепций и аргументов обоих историографических направлений. Но известный историк Ф. Маркес Вильянуэва интерпретировал подобные трансформации как смену в середине XIX в. идеологических позиций у значительной части представителей либеральной историографии на консервативно-традиционалистские. Либералы, связанные с Изабеллой II, предвосхищая идеологов Реставрации (А. Кановас дель Кастильо), взяли на вооружение тезисы о

благе религиозного единства, считая все арабско-мусульманское варварским, а саму депортацию – безоговорочно правильным решением (18).

Влияние «историографической революции» в области морисковедения стало проявляться с работ Ф. Броделя и его последователей.

Оно выразилось в реализации принципа междисциплинарности, обращении к тематике ментальности, расширении географии исследования, широком использовании приходских актов, а со временем и мусульманских источников. Это неизбежно сказалось на специальных методах, заимствованных во многом из арсенала этнологии, исторической демографии, микроистории и социальной истории.

Один из первых примеров конкретно-исторической разработки морисковской проблематики в духе новых веяний – монография аргентинского историка Т. Гальперин Доухи, задуманная в начале 1950-х гг. под прямым влиянием «Средиземноморья в эпоху Филиппа II». Воздействие Броделя (в том числе прямое, когда писал под его руководством диссертацию) проявилось в анализе депортации как завершающей фазы долгосрочного конфликта двух общин (1520–1609 гг.), в акценте на проблематике повседневности.

Не меньшим было влияние Л. Февра («Проблема неверия в XVI в. Религия Рабле»), которое выразилось в представлении не просто о системообразующем характере религии, а об органичном растворении в ней повседневной жизни людей. Поэтому Гальперин Доухи охарактеризовал конфликт морисков со «старыми христианами» не как религиозный, а как конфликт двух человеческих общностей, двух «наций» (19).

Другой характерной и новой чертой монографии аргентинца стало систематическое обращение к социально-экономической тематике. Заметим, что еще в 1959 г. французский испанист А. Лапейре, касаясь творчества Х. Регла, сетовал на неизученность «последствий материального порядка» депортации (20).

Для исследования экономических сюжетов Гальперин Доухи привлек ряд новых источников (нотариальные акты, импортные пошлины на товары, ввозимые из Кастилии – *registros de quema*; налоги на ввозимые/вывозимые товары в поселениях – *reaje*), систематически использовал регистры кредитов и займов морисков; «инвентари имущества морисков» (в королевских землях) и счета секвестрированного имущества морисков (на сеньориальных землях).

По его мнению, валенсийская экономика представляла собой аграрное, экспортно-ориентированное и на протяжении большей части XVII столетия динамично развивающееся хозяйство. Его столпами были виноделие, шелковое производство и рисоводство.

Рост виноградарства был настолько велик, что в регионе возник дефицит оливкового масла (в Аликанте также действовал дополнительный фактор – массовое производство мыла).

Хотя вино в основном вывозили за пределы региона, существенноросло и внутренне потребление, что позволяет поставить вопрос о корреляции это-

го процесса с ассимиляцией морисков. Но хотелось бы обратить внимание на другое обстоятельство, выявленное исследователем, интересное с точки зрения оценки последствий депортации: уже в конце XVI в. местное виноделие пережило кризис перепроизводства, отягощенное ростом налогов. Исследование Г. Лапейре о географии размещения общин, стабильность экспортных сборов с вина в 1609 г. (минус только 2% – Дж. Кейзи) лишь подтверждают господствующее положение «старых христиан» в валенсийском виноделии.

В шелкоткачестве г. Валенсия количество мастерских оставалось стабильным на протяжении 1530–1590-х гг. (около 400). Но динамика налогов показывает заметный кризис уже в 1570-х гг. В 1580 г. Женералитат Валенсии из-за постоянного сокращения налоговых поступлений провел слушания по ситуации с приглашениями экспертов. Главных причин кризиса шелкоткачества было две: дефицит шелка-сырца (из-за контрабандного вывоза нити) и конкуренция нелегальных мастерских в глубинке королевства.

Интересно, что начало упадка шелкоткачества было зафиксировано также с рубежа 1550–1560 гг. и в Гранаде (К. Гаррад, Ф. Руис Мартин) (21), хотя некоторые авторы видят главные причины этого в запрете центральных властей экспорта тканей и в дискриминационной налоговой политике (22). Резкий спад валенсийского шелкоткачества в 1620 г., вплоть до разрухи в Рибере – региональном центре этого производства, британский испанист Кейзи склонен объяснить рецессией, охватившей все Средиземноморье, а не последствиями депортации морисков (23).

Единственно бесспорным примером успешного сектора «мориской экономики» являлось рисоводство.

Несмотря на жесткие ограничения в водозаборе для рисоводов властями ряда районов, до конца XVI в. производство риса росло, вплоть до того, что его стали культивировать на богарных землях.

В 1605 г. из выращенных 70 тыс. валенсийских мер риса в королевстве Валенсия потребили только 16 тыс. Косвенным доказательством экспортного характера рисоводства являлось и отсутствие во внутренних регламентах цен на данный товар. Но в связи с этим встает вопрос оценки социального и экономического положения морисков.

Как указывает Гальперин Доухи, вся либеральная историография, начиная с Томаса Гонсалеса, «клялась в техническом превосходстве морисков» и в их трудолюбии. До Гонсалеса и его современников, напротив, указывалось, что мориски были заняты исключительно в сельском хозяйстве и на непрестижных работах. В Валенсии только они соглашались на сбор риса – работу чрезвычайно вредную и в народном представлении самую убийственную (что и было в реальности). Потому, заключает аргентинец, странно видеть в этих работниках элиту.

Разумеется, среди ремесленников также можно найти морисков. Но не было богатых морисков в таких важных ремеслах, как изготовление шелковой ни-

ти или шелкоткачество. Позиции морисков в городах всегда были ниже положения христиан. Много было ремесленников-морисков в деревнях, но также занятых в непрестижных ремеслах (24).

В целом суждение Гальперина Доухи о статусе морисков поддержал А. Лапейре, который сосредоточился на демографических аспектах депортации, а также многие этнологи, использовавшие маркер эндогамности (25).

Парадокс заключался не только в том, что известная отстраненность аргентинца позволила ему в своих оценках оказаться ближе к позиции большинства испанцев XVI–XVII вв., чем к либералам XIX столетия. Более любопытно то, что в те же 1950-е гг. в самой Испании историки, находившиеся в скрытой оппозиции франкизму, в заочной полемике фактически поддерживали либералов. Они заново открыли тему морисков, перенесли свою гуманистическую перцепцию настоящего на прошлое.

В этой связи достойны упоминания имена этнолога Х. Каро Барохи (26) и особенно историка А. Домингеса Ортиса. Занятия последнего в русле изучения социальной истории «маргиналов» увенчались в 1978 г. фундаментальной монографией «История морисков. Жизнь и трагедия одного меньшинства» (1978), написанной вместе с Б. Венсаном. Однако, отдавая ему должное как первопроходцу в изучении диаспоры, а также судьбе морисков, оставшихся в Испании после депортации, и его исследованию гранадских морисков, представляется, что основной вклад Домингеса Ортиса все-таки заключается в системном подходе к анализу испанского общества и определению в нем места морисков. И, как свидетельствуют исследования, о примерах удачной ассимиляции морисков в работах о морисках-дворянах ставить точку в этом вопросе рано (27).

Что же касается изучения последствий депортации в 1970–1990-е гг., то тон здесь задавали дискуссии о т.н. всеобщем кризисе XVII столетия, об особенностях феодализма и «рефеодализации» в Валенсии, о причинах «недостаточности» индустриального развития региона в целом (28).

В 1972 г. в Овьедо состоялся первый конгресс морискологов (*Coloquio Internacional sobre Literatura Aljamiada y Morisca*), который дал старт институциональному оформлению дисциплины. Точками кристаллизации стали университеты Валенсии, Гранады, Аликанте, Севильи, Кордовы, Сарагоссы, Овьедо, Сантандера, Центральный университет Барселоны, мадридский университет Комплутенсе. Правда, большинство таких центров сочетают исследования как по истории морисков, так и мударес, а порой включают в орбиту своих интересов мусульманскую Испанию. Ярким примером этого является одно из лучших изданий в данной области – ежегодник *Sharq Al-Andalus: Estudios mudéjares y moriscos* (1984–2002 гг.), выходивший в Университете Аликанте.

Из подразделений Высшего совета научных исследований отметим деятельность тех историков Высшего совета научных исследований (Мадрид), в фокусе которых сейчас находится испанский XVI в. За пределами страны традиционно сильные позиции занимала французская морискология (университет

Монпелье и Центр исторических исследований в Париже). В 1981 г. на Международном круглом столе в Монпелье, организованном Л. Кардайяком, была достигнута договоренность о создании Международного комитета морисских исследований (*Comité Internacional de Estudios Moriscos – CIEM*).

II Международный симпозиум CIEM состоялся в 1983 г. в Тунисе. Там в рамках Национального института археологии и искусства уже существовал с начала 1970-х гг. под руководством С.М. Збисса (*S.M. Zbiss*) Центр испано-андалусийских исследований (29). Но создание крупного международного центра современной морискологии в этой арабской стране связано с усилиями А. Темими. В 1980-е гг. он организовал в Тунисе 3 симпозиума, а на средства «Фонда Темими» с 1989 г. в городе Загхуан (*Zaghouan*) начал работу Центр изучения, документации, информации и исследования оттоманской и морисской истории (*Centro de Estudio e Investigación Otomana y Morisca y de Documentación y de Información*).

Центр Темими имеет крупную специализированную библиотеку по арабской, оттоманской и морисской истории. Фонд издает ежеквартальный бюллетень и три журнала (30).

В эти годы рамки темы морисков были раздвинуты благодаря компаративистским подходам, и особенно за счет изучения мудехарес (выделим работы М. Ладеро Кесада) (31). По подсчетам Ф.Х. Марсала Паласьо, после 1998 г. в Испании за десятилетие вышло более 250 работ по данной проблематике. Заметное место среди них занимают исследования об искусстве мудехар, взаимовлиянии христианской и восточных культур (32).

Другим свидетельством культурологического уклона морискологов служит созданный тогда М.Х. Рубьера Мата портал «*Literatura de Mudéjares y Moriscos*» в рамках *La Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes Saavedra* (33). Демографы сосредоточили внимание на изучении структур семей и групп, используя просопографический метод. Также в фокусе внимания остаются вопросы верований и культуры морисков, степень и формы ассимиляции. Особого внимания заслуживают *Actas del VIII Simposio Internacional de Mudejarismo* (2002), который прошел в 1999 г. и был посвящен проблемам насильственной евангелизации мудехарес.

Традиции видного исследователя испанской Инквизиции американца Г.Ч. Ли продолжают современные исследователи Инквизиции, которые изучают сложные взаимоотношения морисков и Святой Канцелярии в Испании, Латинской Америке и в других регионах (34). Другая важная тенденция современного историографического процесса в морискологии – растущая полифония подходов. Так, на XIV конгрессе морискологов (Андалусия, 2009) его организатор и сопредседатель А. Темими анонсировал проект создания Международного комитета морисских исследований и переводов для активизации взаимных переводов арабских и испаноязычных работ. И уже видны первые примеры конкретно-исторической разработки поставленных задач (35).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) <http://elsmorisquets.blogspot.com>
- (2) На сегодня это главный международный центр по координации юбилейных мероприятий. Президентом научного комитета проекта является французский испанист, член-корреспондент Королевской академии истории Испании Б. Венсан // http://www.materialesdehistoria.org/1609_2009
- (3) *Magnier G.* Pedro de Valencia and the Catholic Apologists of the Expulsion of the Moriscos. *Visions of Christianity and Kingship*. – Brill, 2010. – P. 1.
- (4) *Cepeda Adan J.* El siglo del Quijote (1580-1680) // *Historia de España*. – Т. XXVI. – Madrid, 1986. – Vol. I. – P. 578.
- (5) *Epalza, M. de, Paternina M.J., Couto A.* Moros y moriscos en el Levante Peninsular (Sharq Al-Andalus). Introducción bibliográfica. – Alicante, 1984; *Franco Sánchez F.* Apéndices // *Sharq Al-Andalus. Estudios Árabes (Alicante)*. – 1984-1988. – № 1–5. – P. 213–248, 215–232, 267–286, 291–347, 259–291; *Ravillard M.* Bibliographie commentée des Morisques. Documents imprimés de leur origine à 1978. Diplôme d'Etudes Approfondies. – Universidad de Argel, 1979.
- (6) *Vázquez García F.* La invención del racismo. Nacimiento de la biopolítica en España, 1600–1940. – Madrid, 2009. – P. 113–114.
- (7) Цит. по: *Magnier G.* Pedro de Valencia... – P. 142.
- (8) *Aznar Cardona P.* La Expulsión Justificada de los moriscos españoles. – Huesca, 1612. – Fol. 150–151. Благодаря программе дистанционного доступа к литературе компании Google российским историкам стали доступны многие трактаты, опубликованные в XVI–XIX вв. // <http://books.google.es>
- (9) *Damian Fonseca M.F.* Justa expulsión de los moriscos de España: con la instrucción, apostasia y traición dellos. – Roma, MDCXII.
- (10) *Marmol Carvajal, L. del.* Historia del rebelion y castigo de los moriscos del Reyno de Granada. – 1 ed. – Malaga, MDC. – Madrid, 2 ed., MDCCXCVII. – Т. I. – P. VIII, X. 1. В отечественной историографии первым рассмотрел взгляды Мармоля Карвахалья Н.П. Денисенко. См.: *Денисенко Н.П.* Испанский абсолютизм и гранадские мори́ски (1492–1571 гг.) // *Проблемы истории Западной Европы развитого и позднего феодализма*. – Иваново, 1986. – С. 143–155.
- (11) См.: *Dominguez Ortiz A., Vincent B.* Historia de los moriscos. Vida y tragedia de una minoría. – Madrid, 1978. – P. 9–10.
- (12) *Ardit Lucas M.* The expulsion of the Moriscos from the Catalan Countries: ideology and history // *Catalan Historical Review*. – 2009. – № 2. – P. 68.
- (13) *Blanqui M.* Rapport sur la situation économique et morale de Espagne en 1846 // *Mémoires de l'Académie des Sciences morales et politiques de l'Institut de France*. – Т. VI. – P., 1950. – P. 560.
- (14) *Muños y Gavira J.* Historia del alzamiento de los moriscos, su expulsion de España y sus consecuencias en todas las provincias del reino. – Madrid, 1861. – P. 37.
- (15) *Boronat y Barrachina P.* Los moriscos españoles y su expulsión. Estudio histórico-crítico. – 2 vols. – Valencia, 1901.
- (16) *Janer F.* Condición social de los Moriscos de España: causas de su expulsión, y consecuencias que esta produjo en el orden económico y político. – Madrid, 1857. – P. 24, 56–68, 93, 99–102.
- (17) *Janer F.* Condición social... – P. 113.
- (18) *Márquez Villanueva F.* La criptohistoria morisca (los otros conversos) // *Les problèmes de l'exclusion en Espagne (XVI–XVIIe siècles). Idéologie et discours. Colloque international* / Éd. A. Redondo. – P., 1983. – P. 77–78.

- (19) *Halperin Doughi T.* Un conflicto nacional: moriscos y christianos viejos en Valencia. – 1 ed. 1955. – València, 2008. – P. 14–18.
- (20) *Lapeyre H.* Géographie de l'Espagne morisque. – P., 1959. – P. 4.
- (21) *Garrad K.* The causes of the Second Rebellion of the Alpujarras. Univ. of Cambridge, 1955 и La industria sedera granadina en el siglo XVI y su conexión con el levantamiento de las Alpujarras // Miscelanea de Estudios Arabes y Hebraicos. – V. 1956. – P. 73–104; *Ruiz Martín F.* Rasgos estructurales de Castilla en tiempos de Carlos V // Moneda y crédito. – 1966. – Vol. 96. – № 1. – P. 91–108.
- (22) *Martín Ruiz F.* Economía y sociedad en el siglo XVI. «Moriscos y cristianos en el partido de Marbella». – Málaga, 1984. – P. 15–17.
- (23) *Casey J.* Moriscos and the Depopulation of Valencia // Past & Present. – 1971. – № 50. – P. 35–37.
- (24) *Halperin Doughi T.* Un conflicto nacional... – P. 27–39, 67.
- (25) *Pike R.* Aristocrats and Traders. Sevillian Society in the Sixteenth century. – Ithaca-London, 1972. – P. 106, 159; *Dedieu J.-P.* Les Morisques de Daimiel et l'Inquisition. 1502–1526 // Les morisques et leur temps. – P., 1983. – P. 498.
- (26) См.: *Попова Г.А.* Хулио Каро Бароха: историк или антрополог? // Испанский альманах. – Вып. 1 / Отв. ред. С.П. Пожарская. – М., 2008. – С. 102.
- (27) См., напр.: *Soria Mesa E.* La nobleza en la España moderna. Cambio y continuidad. – Madrid, 2007. – P. 94–101; *Trevor J. Dadson.* Los moriscos de Villarrubia de los Ojos (siglos XV–XVIII). Historia de una minoría asimilada, expulsada y reintegrada. – Madrid, 2007.
- (28) См., напр.: *Els estudis d'història agrària el País Valencià. I Colloqui d'història agrària* // Rafael Aracil, M. Teresa Carnero Arbat, Mario García Bonafé. Jorge Palafox Gamir. – Barcelona, 1983. – P. 79–118; *Ciscar Pallarés E.* Notas sobre la predicación e instrucción religiosa de los moriscos en Valencia a principios del siglo XVII // *Estudis: Revista de historia moderna.* – 1989. – № 15. – P. 205–244; *Peset Reig M., Hernández T.M.* Conflictos jurídicos a raíz de la expulsión de los moriscos de España // *Estudis: Revista de historia moderna.* – 1994. – № 20. – P. 231–252.
- (29) *Epalza, M. de.* La moriscología como área científica // *Identidad Andaluza.* – 24.11.2008.
- (30) <http://www.refer.org/fondationtemimi>
- (31) *Ladero Quesada M.A.* Datos demográficos sobre los musulmanes de Granada y Castilla en el siglo XV // *Anuario de estudios medievales.* – 1972-1973. – № 8. – P. 481–490; *Ladero Quesada M.A.* Granada después de la conquista: repobladores y mudéjares. – Granada, 1988; *Ladero Quesada M.A.* Mudéjares y repobladores en el Reino de Granada (1485–1501) // *Cuadernos de historia moderna.* – 1992. – № 13. – P. 47–72.
- (32) *Marzal Palacios F. J.* Minorías en la España medieval (I): esclavos, mudéjares y moriscos // *Humanista.* – 2008. – № 10. – P. 12.
- (33) <http://www.cervantesvirtual.com/portal/lmm>
- (34) См.: *Lea H. Ch.* The Moriscos of Spain: Their Conversion and Expulsion. – N.Y., 1901; монографический номер журнала *Clío & Crímen: Revista del Centro de Historia del Crimen de Durango.* – 2005. – № 2. La represión de la disidencia religiosa: de la Inquisición Medieval a la Moderna.
- (35) См., напр.: *Gómez Vozmediano M. F., Martínez Torres J.A.* Entre dos mundos: las relaciones hispano-musulmanas durante la Edad Moderna. Una breve síntesis // *Espacio, tiempo y forma. Serie IV, Historia moderna.* – 2008. – № 21. – P. 19–20.

**THE 400TH ANNIVERSARY OF DEPORTATION OF THE MORISCOS:
BASIC RESULTS AND TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT
OF MORISCOLOGY**

S. Prokopenko

World History Chair
State Pedagogical University of Ulyanovsk
The 100th Anniversary of V.I. Lenin Sq., 2, Ulyanovsk, Russia, 432000

The article deals with the basic investigational phases of the history of the Moriscos during the XVI–XXI centuries. Views of different representatives of the «Moriscologia»: traditionalists of the XVIIth century (P. Aznar Cardon), liberals of the XIXth century (F. Janer) and others influenced by the «Historiographic revolution» (T. Halperin Doughi) are analyzed.

Key words: «Moriscologia», Conservative Historiography, Liberal Historiography, Moriscos, Mudejares, Deportation.